

Лекарство душевное — воспоминание смертное¹

Дергачева И.В.,

доктор филологических наук, профессор, декан факультета «Иностранные языки»
ФГБОУ ВО МГППУ (Москва, Россия) dergachevaiv@mgppu.ru

Стремление познать тайны инобытия проходит через всю историю мировой литературы. Каждая эпоха давала свои ответы на эти вопросы и по-своему представляла идею таинственного соединения человеческого с трансцендентным. С самых истоков существования древнерусской письменности были популярны идеи о нахождении смысла жизни перед лицом смерти. В статье приведен краткий анализ танатологических смыслов как важнейших регуляторов мировоззренческих установок и поведения героев некоторых значимых произведений мировой литературы в диахроническом аспекте.

Ключевые слова: Лекарство душевное, Синодики, антитезы «жизнь-смерть», смертный час, воздаяние праведным, наказание грешным, Дракула, Влад Цепеш.

Для цитаты:

Дергачева И.В. Лекарство душевное — воспоминание смертное [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №4. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Dergacheva.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Dergacheva I.V. The medicine of the soul — a remembrance of death [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Dergacheva.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

«К чему наши потуги?... Почему сказано, что соблазны надобны Ему, но горе тем, через кого пройдет соблазн? Как бежать нам этих тупиков, отец Леонид...» [1, с. 282] – вопрошал Андрей Арсениевич Лучников, впервые представший перед читателем редактором-издателем "Русского Курьера", выражающего Идею Общей Судьбы Острова Крыма (Базы Временной Эвакуации) и «ЕДИНОЙ-НЕДЕЛИМОЙ-УБОГОЙ и ОБИЛЬНОЙ-МОГУЧЕЙ и БЕССИЛЬНОЙ... матушки-Руси», зашорившимся со своей Идеей, со своей газетой, отца Леонида уже год не посещавший, крестившийся на светофоры, а некоторое время спустя – обретший дорогу к храму – хоронить своих любимых, а вместе с ними и сам остров, «память о старой России и мечту о Новой». Обряд погребения открывает ему глаза и очищает душу .

Осмысление жизни через «память смертную и Страшный суд» характерно для христианской морали [5, 6, 10]. Соответственно и почитание усопших в «Старой России» обусловило необычайную популярность Помянников вплоть до начала XX века. Эти книги обычно назывались синодиками, с конца XV века часто содержали наряду с перечнем имен для поминовения предисловия, в которые входили литературно-учительные, назидательные, литургические, догматические, апокрифические, исторические, агиографические тексты,

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 16-04-00523а («Танатологический дискурс русской словесности XI–XX веков в аспекте межкультурной коммуникации»).

объединенные общей синодичной темой поминовения усопших. С XVII века Синодик может обособляться от Помянника и состоять целиком из текстов, составляющих характерную для Синодика тематику и направленность. Синодик XVII-начала XX вв. становится одной из самых распространенных на Руси книг, не тиражируемых, но каждый раз составляемых заново. Статьи, вошедшие в состав синодичных предисловий, заимствовались из «Золотого фонда» письменности Средних веков - из житий, Скитского и Синайского патериков, Пролога, Триоди постной, Соборника, патристики, Библии, апокрифов, Великого и Малого Зерцала, Неба Нового Иоанникия Голятовского, а также литературных произведений, популярных в средневековой России. Обычно анонимные, составители предисловий, представляющих образец церковно-учительной литературы, излагали и комментировали смысл обряда поминовения усопших, а в статьях уставного характера описывали последование погребения. Скорбью о «маловременности сего жития» и призывом к своевременному покаянию и спасению души проникнуты статьи лирико-аскетического характера, построенные на антитезах «жизнь-смерть», «мгновение-вечность», «богатство-пепел». Составители предисловий призывают читателя: «Приидите, мудрствуйте, земная видите гроб, плачители и рыдайте, помышляйте всегда смерть...». Смертный час интересовал составителей синодичных предисловий как начало воздаяния праведным и грешным в зависимости от их образа жизни. По мнению составителей Синодика, в исключительных случаях возможно взаимопроникновение двух миров - земного и трансцендентного для свидетельства и назидания живым: «Старец некто, имея житие чисто в ските, и преставльшуся ему, братия ж начаша над ним пети надгробная пения и видев брата умершаго трижды возсмеющегося. И вопрошиша его братия глаголя: "Чесо ради возсмеялся еси трижды во гробе, кую доброту узрев?" Отвеща старец и рече: «Братие, первые возсмеясь, яко все на мя зря, поминаете смертный час. Второе возсмеясь, яко избави мя Бог от сует мира сего. Третие возсмеясь яко в покои гряду. Братия же о сем прославиша Бога и погребоша его с честью великою в ските» [4, с. 62]. Загробные мучения грешников являют собой страшный пример для назидания живым. В более позднее время (третья четверть XVII-XVIII вв.) на базе основного тематического ядра синодичных предисловий сформировался сборник, в названии которого - «Лекарство душевное - воспоминание смертное, сиречь синодик. Повести зело душеполезны суть. Избраны древних святых мужей, трудившихся Бога ради, царствия ради небеснаго и своего ради спасения, его же ради восприяша венць нетленныя, и царствию небесному наследницы быша» [4, с. 78-87] - подчеркнута неразрывная связь между двумя ипостасями человеческого существования - «маловременного сего жития» и «жизни вечной». Ибо, как гласят заимствованные составителями Синодиком из «В субботу мясопустную, Слова Иоанна Златоустаго, еже не плакаться по умерших»: «Восстанию вси веруем. Исаия бо вопиет ясно: «Востанут мертвии сущии...» Сего ради о умерших не скорбите и веруйте воскресению, несть зло смерть...»

Авторство первого Помянника с синодичными предисловиями принадлежит выдающемуся просветителю и книжнику русского Средневековья, игумену Волоколамского монастыря, преподобному Иосифу Волоцкому. В синодике Иосифа Волоцкого 1479 года после Помянника приведены «предисловия» 1503 года, открывающиеся «Сказанием, имущим свидетельство от божественных писании, о спасительных и душеполезных книгах, о сенанице и о повседневном поминании, како подобает нам о сих попечение имети и какова польза бывает от сего живым же и умершим душам» [4, с. 21-25].. По определению самого Иосифа, вместе они составляют «божественное писание, еже написаном зде, от многих малая о еже вере усопших, и як бываемыя о них службы и приношение, молитвы же и милостыня пльзуют их и прочетше утешитися имут». В основе сюжетных статей этого Синодика лежит трехчастная композиция, условной схеме которой «Грех - Молитва - Отпущение грехов» или «Несчастье - Молитва - Спасение» суждено жить в вековой истории русской литературы. В повествовании о «Макарии и черепа элина» [язычника. - И.Д.] удвоение сюжетной схемы и некоторое ее изменение (вторая схема «Смертный грех - Вечные муки») обусловлено желанием автора подчеркнуть

концепционное ядро предисловий Синодика Иосифа - положение о том, что невозможно отмотить лишь единый грех - грех людей, познавших истинного Бога, но отступивших от него (в слове Макария Египетского об обретении лба языческого жреца говорится, что худшим мукам обречены души христиан, имевших возможность познать истинного Христа, но отвергшихся от него ради гонений или впавших в ересь).

Начало XX века в России еще до апокалипсических событий 17-го года отмечено столь резкой драматизацией мироощущения, которая, пожалуй, была сродни дуалистическому видению, характерному для ересей, от павликианской и мессальянской до богомильской (X века, Болгария), оказавшей влияние на ломбардских патаринов и другие секты Северной Италии, а во Франции - на движение альбигойцев. Представление о жизни как о борьбе Бога и дьявола, воспринимаемых как дух и история, синтезированные в человеке, своем общем творении, конечная победа Бога над дьяволом, добра над злом, вытекающее отсюда отрицание материального как сатанинского порождения - подобные тезисы были характерны не только для вышеназванных еретических течений, но, позже, в том числе и для декаданса «серебряного века».

Тема «черта» неизменно фигурирует в мемуаристике начала века. Например, З.Н. Гиппиус, «Живые лица»: «Мне особенно ясно запомнился профессор Н. Бугаев, математик, лысый и приятный [Отец Б. Бугаева – Андрея Белого]. Он, к общему удивлению, весь вечер говорил... о чертах. Рассказывал с хохотом, как чорт его на извозчике возил, и другие случаи из своей жизни, где чертовское присутствие обнаруживалось с несомненностью» [7, 257]. Это – о событиях 1901–1902 годов. А вот как писал Н.Н. Евреинов в 1912 году («Театр, как таковой»): «Нет пределов театральной иллюзии, как нет пределов моей воле и представлению... Подзадорьте меня только! Поставьте только на рельсы, по которым вы хотите, чтоб помчался мой фантастический поезд, а уж я поеду, поеду, уеду отсюда куда хотите, хоть к чорту в лапы, хоть на край света!.. Бейте меня там, поите расплавленной серой, – я буду благодарен за эту поездку, я заплачу вам!.. И всему поверю, – и тому, что есть край света, и что там живет чорт с лапами, и что меня «особенно» мучат, и что мне «особенно» больно. (Не забудьте только красный рефлектор, пожалуйста костюмчик чорту постраховиднее, опять же хоть какую-нибудь декорацию «края света» (горы там или отверстие люк...))» [8, 76].

Не так уж много оставалось и до того времени, когда «ничтожество», по словам Андрея Арсениевича Лучникова, недооценившего живучесть «Биопсихического аспекта Великой русской Революции», «понесло гибель во все просторы земли» Русской, а «дренажная система ГУЛАГа быстро откачала избыток таланта и творчества...» [1].

В литературной жизни того времени нашли место романы о графе Дракуле, получившем бессмертие совершением греха, «который тяжелее и страшнее всех грехов смертных», – богоотступничества. На сюжетном уровне в двух рассматриваемых романах о Дракуле, короле вампиров, этот тезис реализуется по-разному: в творении (б)Олшеври акцентируется языческая стихия, захлестнувшая Дракулу и определившая трагическую судьбу нескольких поколений его потомков: «... граф Дракула уехал в Индию и изучал там черную магию под наблюдением браминов и... уже оттуда его наследники попали в Америку... Причиной и началом всех несчастий был старый граф Дракула, ухитрившийся сам себя привезти в гробу из Америки под видом старого слуги; с его приездом началась первая загадочная эпидемия, во время которой и погибла молодая графиня Мария Дракула» [2]. Погибла она, укушенная змеей, оживленной «таинственной силой», заключенной в «ожерелье из жемчуга, вернее из

жемчужной змеи с зелеными глазами, некогда украшавшем грудь языческого бога Вицли-Пуцли», пропавшего с разорением испанцами храма Вицли-Пуцли и подаренного «американским дьяволом» графине. Языческая стихия усиливается введением в сюжетную схему мотива покровительства «Бовами... кровожадной богини Индии», оказываемого своим «избранникам», капитану Райту и доктору Джемсу, отмеченным ею «татуированным рисунком лотоса». И, наконец, языческие боги прямо названы покровителями вампиров: «У вампиров есть что-то вроде иерархии, они преклоняются перед сильнейшими. Но кто эти сильнейшие, опять не разберешь, в одном месте выходит даже так, что это древние боги, которым приносились человеческие кровавые жертвы» [2].

Брэм Стокер приводит более подробное жизнеописание графа Дракулы, акцентируя в нем дьявольское начало: «Дракулы, как сообщает Арминий, большой и знатный род. По мнению современников, кое-кто из этого рода имел дело с нечистым. Многие тайны узнали они в школе дьявола – Шоломанче, среди гор, где каждого десятого ученика дьявол делает своим помощником. В выписках Арминия были такие слова, как «stregoica» - ведьма, «Ordog» и «Pokol» – сатана и ад. А в одной рукописи об этом самом Дракуле говорилось, что он вампир, о чем нам уже хорошо известно» [3]. Христианская диалектика противоборства добра и зла подчеркнута автором в следующем наблюдении: «Он плоть от плоти великих мужей и добрых жен своего рода, и лишь на земле, освященной их могилами, могла родиться такая мерзость. Ведь самое ужасное то, что зло глубоко коренится в добре: в земле, не освященной, его останки не упокоились бы» [3].

Кто же этот великий отступник, «посланец дьявола», своим кровавым крещением вампира «превращающий людей в «стрелу» в борьбе против Того, что умер за нас всех»? «Это, действительно, тот воевода Дракула, что прославился в борьбе с турками на границе владений султана», а именно - господарь Влад, правивший в Восточной Валахии в 1456–1462 и 1477 годах. Этой неординарной личности, в исторической памяти оставшейся под двумя прозвищами «Цепеш» (Сажатель на кол) – «Дракула» (Дьявол), с XV века вплоть до настоящего времени посвящался целый ряд художественных произведений (подробная библиография приведена в капитальной монографии Я.С. Лурье [9]. См. также виртуозное исследование В. Цымбургского «Граф Дракула, философия истории и Зигмунд Фрейд», опубликованное в качестве послесловия к роману Б. Стокера «Вампир» [3]. «Зломудрый» жестокий тиран, тезоименный Дьяволу, беспощадно расправляющийся со своими подданными, Дракула древнерусской повести XV века не наделен чертами вампира. Однако факт его отступничества от православия («И предпочел Дракула радости суетного мира вечному и бесконечному, и изменил православию, и отступил от истины, и оставил свет, и вверг себя во тьму. Увы, не смог перенести временных тягот заключения, и отдал себя на вечные муки, и оставил нашу православную веру, и принял ложное учение католическое» [11] – эпизод это является неотъемлемой частью двух основных редакций повести – Кирилловской и Румянцевской) согласно догматам православной христианской церкви неизбежно обрекает его на вечные загробные мучения. И если в теологических конструкциях синодичных предисловий смерть грешника рисовалась с привлечением возможно более страшных и ужасающих образов, то в романе об отступнике Дракуле была создана своего рода литературная гипербола, позволившая в образной форме изложить ключевое положение христианской доктрины Страшного суда и загробного воздаяния. Леденящие душу похождения вампира (ср. трагедию Катерины из «Страшной мести» Н.В. Гоголя, пережившей гибель мужа и ребенка от руки отца-оборотня, богоотступника, «турецкого игумена») и избранных его жертв, таких как Леди Приведение, по сути, представляет собой в особом роде художественно переосмысленную иллюстрацию тезиса древнерусской повести: «и оставил свет, и вверг себя во тьму».

Литературные обработки легенд о Дракуле, а также киносерии по их мотивам, пользующиеся невероятным успехом с 20-х годов XX века вплоть до настоящего момента, сохраняют концепционный императив христианской этики – противоборство Бога и дьявола, добра и зла, света и тьмы, – вечный, как сама жизнь. В этом, вероятно, и заключается одна из причин притягательности «неумирающего» Короля Вампиров, в течение двух ночей державшего в страхе самого А.А. Блока.

Но вампиры Стокера и (б)Олшеври нашли свое упокоение с помощью заупокойных молитв и осинового кола, стали «верными покойниками Бога», души которых «вместе с Ним».

Андрею Арсениевичу Лучникову, прошедшему через соблазны и испытывавшему горе, достало заупокойной молитвы для обретения тесных врат и узкого пути, ведущих в жизнь... и даже полковнику Сергееву запоздало, ибо «Очи несмысленных ослепляет власть», приоткрывается истина: «Боже, как я живу, - думал он. - Чем я всю жизнь занимаюсь» [1, с. 283]. Истинное понимание смысла жизни через «память смертную», интенция, столь характерная для древнерусских книжников, которую они неустанно повторяли для спасения души своих читателей, а через их спасение и спасение собственной души, приходит полковнику Сергееву как нельзя более кстати: временной хронотоп изменился и время повествования потекло с невообразимой скоростью: «В душе его была тревога, он часто посматривал на светящийся циферблат своих часов... Вдруг что-то случилось с современным механизмом: стрелки, секундная. Минутная и часовая. Закрутились с невероятной скоростью, словно в бессмысленной гонке, а в рамке дней недели стали выскакивать один за другим: понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье, понедельник, вторник, среда, четверг...» [1, с. 283]. Кто теперь разгадает замысел автора – не готов ли он был поставить своих героев перед Страшным судом, на котором они бы точно получили ответы на свои вечные вопросы...

Литература

1. Аксенов В.П. Остров Крым. М., 1990.
2. Барон Олшеври. Вампиры. Из семейной хроники графов Дракула-Карди. [Электронный ресурс]. URL: https://aldebaran.ru/author/olshevri_baron/kniga_vampiryi_iz_semeyinoyi_hroniki_grafov_dr (Дата обращения: 20.11.2017).
3. Брэм Стокер. Дракула. [Электронный ресурс]. URL: <http://librebook.me/dracula> (Дата обращения: 20.11.2017).
4. Дергачева И.В. Древнерусский Синодик: исследования и тексты / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VI. М., 2011.
5. Дергачева И.В. Топосы иного мира в «Житии Василия Нового» [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2016. Том 3. № 4. С. 33–43. doi:10.17759/langt.2016030404
6. Дергачева И.В. «Устроение души» как основная доминанта сознания авторов вкладных, данных и духовных [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. No3. URL <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Dergacheva.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/la
7. ngt.2016030302/
8. Гиппиус З. Стихотворения; Живые лица / Серия «Забытая книга». М.: Художественная литература, 1991.
9. Евреинов Н. Н. Театр как таковой . Берлин: Academia, 1923.
10. Лурье Я.С. Повесть о Дракуле. М.-Л., 1964.

Дергачева И.В.
Лекарство душевное — воспоминание смертное
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 78-84.

Dergacheva I.V.
The medicine of the soul — a remembrance
of death
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 78-84.

11. Мильков В.В. Тема земного рая в древнерусских апокрифах 1: Хождение Зосимы к рахманам [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2016. Том 3. № 4. С. 44–71. doi:10.17759/langt.2016030405/.
12. Сказание о Дракуле воеводе. Перевод О.В. Творогова. URL: <http://www.infoliolib.info/rlit/drl/dracula.html#2> (Дата обращения 20.11.2017).

The medicine of the soul — a remembrance of death

Dergacheva I.V.,

doctor of philology, professor, dean of the Faculty of Foreign Languages, MSUPE (Moscow, Russia) dergachevaiv@mgppu.ru

The desire to learn the secrets of otherness passes through the whole history of world literature. Each epoch gave its answers to these questions and in its own way represented the idea of the mysterious union of man with the transcendent. From the very beginnings of the existence of Old Russian writing, the ideas of finding the meaning of life in the face of death were popular. The article presents a brief analysis of thanatological meanings as the most important regulators of worldview attitudes and the behavior of the heroes of some significant works of world literature in the diachronic aspect.

Key Words: The medicine of the soul, the Synodiki, the antithesis "life-death", the hour of death, the reward of the righteous, the punishment of sinners, Dracula, Vlad Tepes.

References

1. Aksenov V.P. Ostrov Krym. M., 1990.
2. Baron Olshevri. Vampiry. Iz semejnoy hroniki grafov Drakula-Kardi. [Elektronnyj resurs]. URL: https://aldebaran.ru/author/olshevri_baron/kniga_vampiryi_iz_semeyinoyi_hroniki_grafov_dr (Data obrashcheniya: 20.11.2017).
3. Brem Stoker. Drakula. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://librebook.me/dracula> (Data obrashcheniya: 20.11.2017).
4. Dergacheva I.V. Drevnerusskij Sinodik: issledovaniya i teksty / Pamyatniki drevnerusskoj mysli: issledovaniya i teksty. Vyp. VI. M., 2011.
5. Dergacheva I.V. Toposy inogo mira v «ZHitii Vasiliya Novogo» [Elektronnyj resurs] // YAzyk i tekst. 2016. Tom 3. № 4. S. 33–43. doi:10.17759/langt.2016030404
6. Dergacheva I.V. «Ustroenie dushi» kak osnovnaya dominanta soznaniya avtorov vkladnyh, dannyh i duhovnyh [Elektronnyj resurs] // YAzyk i tekst langpsy.ru. 2016. Tom 3. No3. URL http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Dergacheva_shtml (data obrashcheniya: dd.mm.gggg) doi: 10.17759/la
7. ngt.2016030302/
8. Gippius Z. Stihotvoreniya; ZHivye lica / Seriya «Zabytaya kniga». M.: Hudozhestvennaya literatura, 1991.
9. Evreinov N. N. Teatr kak takovoj . Berlin: Academia, 1923.
10. Lur'e YA.S. Povest' o Drakule. M.-L., 1964.
11. Mil'kov V.V. Tema zemnogo raya v drevnerusskikh apokrifah 1: Hozhdenie Zosimy k rahmanam [Elektronnyj resurs] // YAzyk i tekst. 2016. Tom 3. № 4. S. 44–71. doi:10.17759/langt.2016030405/.
12. Skazanie o Drakule voevode. Perevod O.V. Tvorogova. URL: <http://www.infoliolib.info/rlit/drl/dracula.html#2> (Data obrashcheniya 20.11.2017).